

УДК 80/81

ББК 81

С 48

Издание подготовлено в соответствии с ведомственной целевой программой «Русский язык (2010–2011 годы)» по решению областного научно-методического совета по русскому языку.

Редакционная коллегия:

Е.П. Андреева, к.ф.н.; С.Ю. Баранов, к.ф.н.; Е.Н. Варникова, к.ф.н.; С.Х. Головкина, к.ф.н.; С.А. Громыко, к.ф.н.; Г.Ю. Козлова, к.ф.н.; С.Н. Смольников, д.ф.н.; Г.В. Судаков, д.ф.н.; Е.Н. Ильина, д.ф.н. (отв. редактор); Л.А. Якушева, к.к.; Л.Г. Яцкевич, д.ф.н.

С 48 Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сборник научных трудов. Часть 7 // отв. редактор Е.Н. Ильина; Департ. образования Волог. обл.; Вологод. гос. пед. ун-т. – Вологда: Легия, 2011. – 320 с.

ISBN 978-5-89791-088-5

В сборнике публикуются материалы III Всероссийской научной конференции «Слово и текст в культурном сознании эпохи» (Вологда, 22–25 ноября 2011 года).

УДК 80/81

ББК 81

© ВГПИУ, 2011

ISBN 978-5-89791-088-5

© Департамент образования Вологодской области, 2011

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ЛОМОНОСОВА

Научный трактат М.В.Ломоносова «О пользе книг церковных в российском языке» назван автором предисловием. *Предисловие* – редкий жанр литературы XVII – XVIII вв., так называли в то время научные сочинения на наиболее важные темы. Указанием на жанр ученый стремился подчеркнуть принципиальную важность этого труда среди других своих сочинений. Эта работа была помещена в начало первого тома «Собрания разных сочинений в стихах и в прозе г. коллежского советника и профессора Михайла Ломоносова», изданного, если судить по объявленной дате, в 1757 г. Но фактически, поскольку допечатка первых двадцати страниц произведена 13-16 августа 1758 г., том вышел в свет в 1758 г. (Вомперский 1988: 166-167). Это самая последняя по времени создания и, на наш взгляд, наиболее основательная филологическая работа русского гения.

Предисловие «О пользе книг церковных в российском языке» многократно анализировалось исследователями (далее цитаты из работ Ломоносова будут воспроизводиться по изданию: М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Том седьмой. Труды по филологии. 1739-1758 гг. М.-Л., 1952). Есть несколько мнений об основных идеях предисловия. Распространенная версия, представленная в научной и учебной литературе, сводится к тому, что, основываясь на разграничении лексики по её происхождению, Ломоносов изложил здесь теорию «трех стилей»: «Вот теория стилей нового литературного языка и образцы литературной речи в различных жанрах и «стилях» (Вомперский 1988: 199). Другие полагают, что в работе Ломоносов рассмотрел проблемы состава русского литературного языка, а также разграничения стилей в зависимости от классификации литературных жанров: «Работа Ломоносова разрешала три важнейшие в его условиях проблемы: 1) проблему сочетания церковнославянских и русских, народных элементов в составе русского литературного языка, 2) проблему разграничения литературных стилей и 3) проблему классификации литературных жанров» (Блок 1952: 894). Высказано предположение, что именно в этом труде Ломоносов определил принципы формирования литературного языка: «... представлена программная концепция, которая призвана определить принципы формирования русского литературного языка» (Успенский 1994: 141). Все отмеченные идеи действительно есть в этом замечательном произведении.

Однако внимательное прочтение ломоносовского трактата позволяет увидеть в нем и другие важные мысли. Попытаемся оценить то, что осталось пока вне поля внимания исследователей. Нам видится содержание

этого сочинения более значительным, во многом предвосхитившим лингвистические идеи не только девятнадцатого, но и двадцатого столетия.

Предисловие состоит из четырех частей : 1) история возникновения литературно-письменного языка у славян; 2) структура русского литературного языка в современную (для Ломоносова) эпоху, т. е. в XVIII веке; 3) значение церковнославянского наследия для русского языка в процессе его исторического развития; 4) "польза" церковнославянского наследия для русского литературного языка XVIII века, для художественного творчества эпохи, для индивидуальной речи каждого автора.

Многие оценки и утверждения, изложенные здесь Ломоносовым, были сформулированы впервые в отечественной гуманитарной науке.

Предисловие начинается с исторического очерка о происхождении «славенского» письменного языка. Этот фрагмент хорошо и подробно прокомментирован учеными. Обратим внимание лишь на последовательность мыслей выдающегося автора.

Вначале говорится о роли письменности в развитии «славенского» языка и об отличии письменного языка от дописьменного: «мысли... тогда были тесно ограничены, для неведения многих вещей и действий, ученым народам известных; тогда и язык его (славенского народа – Г.С.) не мог изобиловать таким множеством речений и выражений разума, как ныне читаем» (Ломоносов: 587).

Затем подчеркнуто значение письменных переводов Библии с греческого языка на «славенский» для обогащения «славенского» (старославянского – Г.С.) языка элементами греческой книжной культуры: имеются в виду «отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова», «греческие красоты». Но гораздо важнее, по мысли Ломоносова, то, что старославянский язык выступил восприемником и передатчиком греческой культуры слова русскому языку.

Главная идея первой части – исторически сложившееся положительное взаимодействие старославянского и русского языков. Неслучайно именно эту идею из работы Ломоносова 1758 г повторил Пушкин в 1825 г., ср.: «Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковные на славенском языке, коль много мы от переводу ветхого и нового завета, поучений отеческих, духовных песней Дамаскиновых и других творцов канонов видим в славенском языке греческого изобилия и отсюда умножаем довольство российского слова, которое и собственным достатком велико и к приятию греческих красот посредством словенского сродно» (Ломоносов: 587); «... язык славено-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его.

избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отседа заемлет он гибкость и правильность (Пушкин 1981: 18).

Обратим внимание на триаду соотносительных языков (в терминологии Ломоносова): греческий язык (эллинский язык, эллинское слово) – славенский язык – российское слово. Самое главное в том, что Ломоносов постоянно различает языки русский и «славенский» и, по мнению Вомперского, «каждый из двух языков на разных этапах исторического развития располагает своим репертуаром памятников» (Вомперский 1988: 140). Здесь напомним отзыв Ломоносова 1764 г. о плане работ А.Л. Шлецера: «... речи, в российских летописях находящиеся, разнятся от древнего моравского языка, на который переведено прежде священное писание» (цит. по: Биллярский 1865: 704).

Итак, первое выдающееся открытие Ломоносова, опередившее традицию времени, – это мысль о различии «славенского» (старославянского) и русского языков.

Заканчивается первая часть рассуждения мыслью о благоприятных условиях формирования русского литературного языка по сравнению с польским и немецким, поскольку на них оказывал влияние чужой язык, причем в плохом варианте (это была вульгарная латынь).

Вторая часть трактата характеризует структуру русского литературного языка, характеристику трех групп литературной лексики и описание системы «штилей». Здесь есть несколько принципиально важных теоретических замечаний классика.

Чтобы их оценить, нужно разобраться в ломоносовских терминах и понять их смысловое наполнение.

Состав литературного языка описан так: «Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной своей важности, так и российский язык чрез *употребление* книг церковных *по приличности* (выделено нами – Г.С.; далее Ломоносов то же самое свойство будет называть «*рассудительное употребление и разбор*») имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий. Сие происходит от трех родов речений российского языка» (Ломоносов: 588).

Почему здесь употреблено слово «*степени (языка)*», а не «*штиль*», которое неоднократно употребляется далее? Представляется, что для нашего автора это разные понятия: 1) *степени языка* возникают на основе исторически сложившихся «трех родов речений» и отличаются друг от друга разной мерой употребления церковнославянского элемента («чрез употребление книг церковных»), эти «степени языка» существуют объективно, независимо от воли авторов текстов, использующих «российское слово»; ломоносовские «*степени языка*» – это в нашем современном понимании функциональные стили языка; 2) «*штили*», о которых Ломоно-

сов пишет далее (в других его работах – «роды речей»), – это стили речи, причем чаще – речи литературной. Поэтому (обратите внимание на разницу!) разные «степени» русский язык «имеет», а «три штиля рождаются от рассудительного употребления и разбору трех родов речений». Выражаясь по-современному, языковой стиль в процессе употребления реализуется в конкретных речевых стилях. Кстати, в других работах Ломоносова «штилей» упоминается ещё больше, поскольку анализ речевых жанров там не ограничивается, как в рассуждении «О пользе книг церковных в российском языке», только художественной речью. Так, в «Кратком руководстве к риторике описываются указательный, советовательный, судебный «роды речей», а в подготовительных материалах к «Российской грамматике» предполагалось тексты «разделить на риторической, на пиитической, исторической, дидактической, простой» (Ломоносов-7: 608). По мнению В.П. Вомперского, «слово «штиль» не имеет здесь того значения, которое есть в выражениях «высокой штиль», «средний штиль», «низкий штиль». В этой записи слово «штиль» применяется для характеристики функционального использования языка в разных сферах общественно-речевой практики» (Вомперский 1988: 152).

Перед нами первая в отечественной лингвистике попытка различить стили языка и стили речи (разумеется, без употребления известной нам терминологии), и это вторая выдающаяся идея труда Ломоносова, значительно позже блестяще развитая В.В. Виноградовым (Виноградов 1963: 211-234).

Но поскольку Ломоносов различает «степени» языка и рождающиеся в употреблении «штили», значит, в его работе есть и невысказанная вербально, но содержащаяся в потенции идея различия языка и речи. Обозначим её третьей по счету выдающейся догадкой гениального филолога.

Далее в Предисловии следует характеристика «трех родов речений», то есть трех групп лексики, входящих в состав литературных средств (это описание общеизвестно). Известно, что он назвал три «рода речений», входящих в состав литературных средств активного употребления, но попутно выделил ещё две группы, которые «выключаются» из литературного языка, поскольку их «ни в каком штиле употребить не пристойно»: 1) «неупотребительные и весьма обветшалые», 2) «презренные слова». На это место обратим тоже особое внимание. За этим скрывается впервые отмеченное именно Ломоносовым различие между литературным языком и нелитературной частью общенародного языка. Отметим это как четвертое открытие Ломоносова.

Далее для нас важны критерии, на основе которых Ломоносов описал эти пять групп лексики. Г.П. Блок и В.Н. Макеева увидели два признака: «по принадлежности слова к русскому или церковнославянскому языку и по степени употребительности слова» (Блок 1952: 895); В.П. Вомперский

учел три признака: 1) «пристойность», т. е. соответствие слов «материям», теме повествования или рассуждения; 2) степень употребительности в разных сферах общения; 3) понятность (Вомперский 1988: 143). На наш взгляд, при классификации лексики Ломоносов исходил из пяти признаков (подходы к такой многосторонней характеристике лексики наблюдаются уже «Кратком руководстве к красноречию»): 1) происхождение (или представленность в славянских языках); 2) время или продолжительность употребления: «которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны»; 3) сфера употребления (письменное или разговорное): «употребляются мало, а особливо в разговорах», «нет... в церковных книгах», «употребить... только в подлых комедиях»; 4) частота употребления: «кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны»; 5) эмоционально-экспрессивная окраска: «презренные слова, которые ни в каком штиле употребить непристойно, как только в подлых комедиях»). На этой цитате задержим внимание: при характеристике «презренных слов». Ломоносов впервые проводит различие между литературным языком с его жесткими нормами, с одной стороны, и свободной художественной речью, с другой стороны. Об этом открытии великого филолога уже писали В.В. Виноградов (Виноградов 1963: 4) и В.П. Вомперский (Вомперский 1988: 248). И ещё одно заключение следует вывести из ломоносовского анализа лексики: предложенные им пять взаимосвязанных критериев характеристики слова – это первая в отечественном, да и в мировом языкознании того времени попытка лексико-семантического анализа. Таким образом, перед нами пятое и шестое открытия гения.

Самое существенное, на наш взгляд, в стилистической концепции Ломоносова – это «рассудительное употребление и разбор сих трех родов речений» как принцип создания литературного текста: «От рассудительного употребления и разбору сих трех родов речений рождаются три штиля: высокий, посредственный и низкий» (Ломоносов: 589). Этот принцип повторяется в работе многократно, и, судя по этому, для Ломоносова это одно из центральных положений стилистической концепции. Так, при характеристике среднего штиля эта идея повторяется трижды: можно приять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью: «употребить в нем можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость»; «в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность» (Ломоносов: 589). Им утверждается право создателя текста на выбор языковых средств, чем открываются возможности для индивидуального творчества. Индивидуально-авторское начало в речевом творчестве и особенности текста как мотивация для выбора языковых средств – это обязательная черта именно национального периода в истории литературного язы-

ка, и она впервые отмечена русским академиком. Седьмое открытие Ломоносова касается принципов создания текста в отличии от тогдашней науки, которая занималась языковым инвентарем: звуки, формы, реже слова.

Открытый принцип Ломоносов, по мнению Пушкина, прекрасно иллюстрировал своими художественными сочинениями: «Слог его, ровный, цветущий и живописный, заимлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным» (Пушкин 1981: 19).

Ломоносов осознал новое состояние языка и удивительно точно и глубоко характеризовал языковую ситуацию в России середины XVIII в. Потому в последней части рассуждения он формулирует, нумеруя по степени значимости, ответы на вопрос, в чем польза церковнославянского наследия для русского языка XVIII в. в целом и для речи отдельного его носителя в частности. Различение языка этноса и индивидуальной речи носителя национального языка – следующая, восьмая по счету, теоретическая новация в этой работе – см. цитату далее). Ломоносов советует любителям отечественного слова прилежно читать «все церковные книги, от чего к *общей и собственной пользе* воспоследует» (далее перескажем современным слогом): 1) пополнятся средства для возвышения великолепных мыслей; 2) появится возможность для отграничения высоких слов от подлых, причем, «наблюдая равенство слога», автор сам проведет это отграничение; 3) «старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славянского языка купно с российским» определится критерий для отбора иноязычных заимствований. Заметили: и здесь торжествует «принцип рассудительного употребления и разбору»!

Ломоносов завершает свой труд предупреждением, что с падением природного языка, «без искусных в нем писателей немало затмится слава всего народа; ... из самых развалин, сквозь дым, сквозь звуки в отдаленных веках слышен громкий голос писателей» (Ломоносов: 592). Вот откуда часто цитируемые поэтические строки Бунина:

Молчат гробницы, мумии и кости, –
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь письма (Бунин 1987: 287).

Позднее, в двадцатом веке, когда дискутировали о конституирующих признаках нации, тоже догадались, что главным отличительным признаком нации является язык

Таким образом, Ломоносов вскрыл важность природного языка в сохранении этноса и значимость богатой литературы на национальном языке для утверждения статуса народа среди других народов. Это девятая и десятая новаторская идея писателя.

В конце Предисловия М.В. Ломоносов утверждает: «словесные науки не дадут никогда притти в упадок российскому слогу» (Ломоносов: 592).

В итоге охарактеризованный им комплекс из трех взаимодействующих и взаимоподдерживающих элементов: родной язык – литература на этом языке – словесные науки, изучающие язык и литературу – это и есть свидетельство нового, национального состояния русского языка, которое впервые было осмыслено и описано великим Ломоносовым. Эту главную, одиннадцатую по счету новаторскую идею ученого следует учесть особо. Предисловие М.В. Ломоносова «О пользе книг церковных в российском языке» содержит впервые изложенную системную оценку нового, национального состояния русского языка середины XVIII века и в то же время намечает широкие горизонты для развития филологической науки. Последний филологический трактат ученого – это и его завещание, и программа изысканий для последующих поколений исследователей русского языка и русской словесности.

Литература

- Биларский П.С.* Материалы для биографии Ломоносова. – СПб., 1865.
- Блок Г.П., Макеева В.Н.* Приложения // Ломоносов В.В. Полное собрание сочинений. Т.7. – М.-Л.: 1952.
- Бунин И.А.* Собрание сочинений. В 6-ти томах, т. 1. – М., 1987.
- Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963
- Вомперский В.П.* Риторика в России XVII – XVIII вв. – М., 1988.
- Пушкин А.С.* Собрание сочинений в десяти томах. Т. VI. – М., 1981.
- Успенский Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв). – М., 1994.